

ПЕРСОНА

Из гремучей смеси "Взгляда", "Музобоза". Из простого русского парня, провинциала, продюсера ТВ-6 Ивана Демидова родился новый человек. Руководитель православного телеканала "Спас" и один из лидеров движения "Молодая гвардия "Единой России", образованный интеллектуал. Удивительную трансформацию, так потрясшую всех, Иван объясняет тем, что повзрослел и передумал жизнь.

Иван ДЕМИДОВ:

Элина НИКОЛАЕВА

— Почему ты не ушел в музыкальный шоу-бизнес после "Музобоза"?

— Меня телевидение никогда не интересовало как шоу-бизнес. Мы начинали с программы "Взгляд", которую вряд ли можно было назвать шоу-бизнесом. Я никогда не собирался входить в него как крупный игрок.

— А мог бы?

— Не то что мог, я уже в принципе вошел — неким корпоративным членом могущественного тогда объединения "КВИНТ". Там были "ЛИС"С" с Сергеем Лисовским, Игорь Крутой, Александр Шулгин. "Обоз" был пятым в этом "КВИНТе".

— Тебя не тяготит, как гиря, это звание — "бывший ведущий "Музобоза" Иван Демидов"?

— А что с этим поделаешь? За все в этой жизни надо платить. Единственное, я могу сказать: мне не стыдно ни за один продукт, который я за эти годы сделал. От "Взгляда" до "Русского взгляда" и телеканала "Спас".

— Раньше ты был в очках, суров и крут — какой ты теперь, Иван Демидов?

— Без очков. Не скажу, что мягок и добр, но надеюсь, что доброты прибавилось.

— А крутизна?

— Смотря что мы имеем в виду под крутизной. Если в появившемся в 90-е термине "крутость" усматривать осознание собственной силы, умение организовать вокруг себя людей и выдать серьезный продукт, то, пожалуй, продолжайте называть нас крутыми.

— Люди, которые не очень хорошо к тебе относятся, очень активно обсуждают твою внешность. Первое, к чему они цепляются, это к твоим глазам: невыразительные, бесцветные. Если ты пошел в политику, то это действительно проблема?

— Я уже не знаю, что сказать по этому поводу. Глаза у меня такие, какие есть. Интерес к моим глазам, наверное, продиктован пресловутыми черными очками. И некими ожиданиями. Некоторые, наверное, думали, что когда я эти очки сниму, то окажусь: а) слепым, либо б) вспыхну два испепеляющих луча. Я не берусь определять цвет своих глаз. Кто-то говорит о голубых глазах, кто-то о серых, кто-то о стеклянных. Была хорошая шутка у "О.С.П.". Они пародировали одного артиста, там были такие слова: "Мы тебя встретили по внешности, а проводить-то тебя не по чему". Я надеюсь, что после общения со мной, невзирая на внешность, у людей есть по чему проводить Демидова.

— Ты считаешь, что пришло время твоего поколения: брать страну и власть?

— Я бы сказал так: считаю, что после 15 лет всяческих экспериментов, разбирательства в этих экспериментах и налаживания некой здоровой системы приходит уникальное время, политизированное время. Ровно такое время я ощущал в те годы, когда создавался "Взгляд", когда все было пронизано политикой. Это можно называть временем политической весны. Я думаю, что будущее будет сильно зависеть от ближайших двух-трех лет. Многие заложатся в эти годы. И я очень рекомендую всем, прежде всего новому поколению, этим временем воспользоваться. Говорят: ты же понимаешь, что это мода на молодежь? Да, но только моду можно пропустить, а можно ею воспользоваться!

— Не поздно ли взялись за ум?

— Когда взялись, тогда и взялись. Выбор-то какой: либо сидеть по домам, либо воспользоваться. Да, я считаю, что немножко припозднились...

— Насколько я помню, раньше твой любимый лозунг был: "Надо же что-то делать", а теперь: "На все твоя воля, Господи". Как-то это не по-молодежному.

— "На все твоя воля, Господи" — это уже не лозунг, а внутреннее извращение. Может, тебе больше нравится — "делай что должен и будь что будет". Это в светском варианте. Еще проще — весь свой ум и все, что у тебя есть, брось на дело, в которое ты веришь, а дальше и плюсы, и минусы воспринимай исключительно философски. Люди много чего делают, а потом что-то получается либо нет. И очень часто это лежит за гранью рациональности. В православии это то, что называется Богом, волей Божьей.

— Если православный телеканал "Спас" — это воля Божья, то почему его можно видеть только на платном канале?

— Нас очень радует, что к нам подключились уже кабельные операторы Липецка, Орла, Калининграда. На нас выходят все новые и новые люди.

— Не все знают, что перед "Спасом" ты создавал телеканал "Звезда"...

— Я принимал участие в его формировании, в самом начале.

— Звезда — это дьявольский знак?

— Звезда в данном случае — наша, красноармейская, историческая. Некий символ, который существует на данный момент как признанный символ Вооруженных сил России. Так к нему и надо относиться.

— Когда участвовал в "Последнем герое", ты действительно там все время читал Библию?

— Так получилось, что каждому из участников "Последнего героя" было разрешено взять с собой на остров один предмет. Лара Вербицкая взяла с собой Новый Завет. За что ей большое спасибо. Потому что периодически было время, когда можно было уединиться и о чем-нибудь подумать.

— Зная, что я подумала, когда узнала, что ты стал таким набожным? Нагрешил, а теперь замаливает!

— Я бы назвал это просто взрослением. И не более того.

— Возможно ли при помощи "Спаса" разрешить противоречие между грешной сущностью ТВ и святостью православного телеканала?

ГВАРДИИ

"Мне не дано уйти в монастырь"

ПРОДЮСЕР

— Телевидение в данном случае — это инструмент. Никакие антенны, телекамеры, монтажные столы и компьютерная графика сами по себе не виноваты и не несут ни светлого, ни темного начала. Способность творить после Бога есть только у одного создания на Земле — у человека. Он использует инструменты. Этот вечный банальный пример с топором, которым можно срубить храм, а можно убить старушку...

— Почему критик православия Познер так и не пришел к тебе?

— Мы неоднократно обсуждали с ним, чтобы он пришел в программу "Русский взгляд". У нас были интересные разговоры вокруг всего. Но потом я ему сам сказал, что не готов пока, чтобы он приходил ко мне.

— Спасовали, значит?

— Познер — человек, безусловно, сильный, опытный и представляющий другую сторону. Я понимал, что подобная встреча должна быть осмысленной, серьезной, где-то даже вехой. Нам еще предстоит с ним встретиться, и я надеюсь, что это будет интересно.

— Православная вера — насколько она вписывается в современную, бурную жизнь?

— Сейчас нашу Русскую православную церковь упрекают в том, что она излишне консервативна. Я всегда по этому поводу улыбаюсь и говорю: "Понимаете, дело в том, что нам — 30, 50, ну 70 лет. А церкви на круг уже 2000. Ей вообще некуда торопиться, там другое времяизмерение". Я тоже когда-то предлагал собирать сразу концерты в "Олимпийском", разговаривать открыто. Со временем стал понимать, что не все наши порывы действительно благотворны в этой работе.

— А вот отзывы телезрителей вашего канала: "Как может этот сытый молодой человек, лишь недавно обратившийся в веру (это про тебя, Иван), наставлять миллионы?"

— Значит, первое: я точно никого не наставляю — это железно. Даже когда я был в эфире того же "Русского взгляда", я всегда точно понимал свою роль. Моя роль, Боже упаси, — не учителя, не специалиста, не богослова. Я такой же зритель, только у меня есть возможность почувствовать, иногда угадать те вопросы, которые интересуют других, и задать кому-то эти вопросы. Что касается сытости — не знаю даже, как это охарактеризовать. Да, наверное, не голоден. Когда бывают посты, я пытаюсь поститься. Я понимаю, что мне уже не дано уйти в монастырь, или, по крайней мере, сейчас пока не дано. А значит, я должен на своей территории, в миру, делать то, что должен.

— Как же ты, Иван, во всем прав и как не правы твои критики?

— Если это люди православные, то они такого вопроса и не зададут. В конце концов, за минуту до смерти Христа исповедал тот самый разбойник. Уж он-то по всем зрительским оценкам не имел никакого права на это. Те люди, которые так любят проводить эту параллель между ведущим "Музобоза" и православным человеком, пусть прежде спросят себя. У них никогда не было периода, когда они передумывали что-то в своей жизни? Ведь термин "покаяние" дословно с греческого переводится как "передумывание".

— Иван, признайся, ты сам-то понимаешь, во что ты ввязался с "Молодой гвардией"? Сам-то веришь себе — ты ли это?

С любимой дочкой Настей.

— Ну, глаза боются, а руки делают. Это из этой серии. С одной стороны, я точно понимаю, что нечто подобное хотел в своей жизни, потому что от телевидения уже перестал получать удовлетворение. Если несколько лет назад я, давая интервью, легко говорил, что телевидение мне заменяет жизнь, то в какой-то момент стало понятно, что не заменяет. Есть что-то большее. Я сейчас не скажу, что щипаю себя по ночам: я ли это? Я понимаю: идет такая возможность, такой шанс!

— У меня ощущение, что ты чувствуешь себя не в своей тарелке. Что тебе нужна поддержка и одобрение.

— У меня нет сомнения по поводу того, что я правильно начинаю следующий этап в своей жизни. При этом я не тот редко сомневающийся бульдозер, который за все берется. Политика? А-а, да-дайте — политика, фишка какая, я еще и сельским хозяйством, если хотите, могу порулить...

— Неужели ты не сомневаешься в политических перспективах "Молодой гвардии"?

— Я не сомневаюсь, что огромное количество активных молодых людей готовы стать следующей политической элитой. За последние 15 лет настолько перегнули палку! Для того чтобы ее хотя бы выпрямить, нужно перегнуть в другую сторону. Тот порядок, который последние пять лет стал наводиться в стране, — это попытка осмысленной жизни в политике, в экономике. Все это делает меня, во-первых, сторонником курса, прежде всего, президента Путина. Я абсолютно разделяю мнение, что этот курс должен быть продолжен и, не теряя основной платформы, модернизирован.

— Ты так же правильно рассуждал и во времена работы на ТВ-6, в "Музобозе" и "Взгляде"?

— Я, наверное, никогда не был ни либералом, ни по большому счету западником. Даже во времена "Взгляда" и "Музобоза". Что касается демократии... Если брать тех, кто сейчас у нас претендует на эту роль, — СПС, "Яблоко" и прочие... Да, я не был таким демократом. Я всегда был достаточно консервативным молодым человеком, который вырос в городе Куйбышеве, теперь это Самара.

— В общем, "деревня"?

— Ну да, лимита, я бы сказал, провинция. Обыкновенная наша российская лимита. В детстве успел побывать в "Артеке", в "Орленке". Был примерным пионером. Мне было интересно, и я сочувствовал комсомолу. Простым государственным вероисповедания, консерватор, в общем, умеренный политический центрист.

— И на ТВ-6 ты был тоже государственным?

— ТВ-6 не был политизирован, пока Березовский не принял команду Киселева. Вот тогда канал оказался втянутым в жесткую политику. Не секрет, что были надежды у Березовского и у Киселева, что часть канала, в том числе и я, останемся и попробуем сделать совместно с пришедшими из НТВ какой-то продукт. Но тогда я сразу публично заявил, что есть два условия, при которых подобная работа невозможна. Первое: если мы будем втянуты в жесткое политическое противостояние с властью. И второе: если мы почувствуем, что к нам как к людям существует негативное, пренебрежительное отношение.

— Почувствовали?

— Да, собственно говоря, оба эти фактора сыграли, и мы сказали — до свидания.

— Знаешь, в прежние времена тебе бы не доверили высокую партийную должность...

— С чего это?!

— Разведен! Семьи нет, дочь без отца.

— Да, разведен.

— Значит, морально неустойчив!

— Что значит неустойчив? У меня большая семья: два родных брата, мама еще жива, слава тебе, Господи. У меня замечательные отношения с мамой Настей. Замечательные отношения с дочкой. Разведен — да, разведен. Да, холостяк, большую часть времени приходится уделять работе.

— Вань, тяжело на твоей работе выдерживать саркастический тон прессы, которая высмеивает все эти молодежные организации, спущенные сверху?

— Абсолютно нет. Для меня ирония — это вещь вторичная. Спросите моих молодых коллег, которые когда-то работали со мной. Они с готовностью расскажут, что я на каждой летучке бил их по голове за эту вечную, а тогда особенно модную "ироничность" по отношению ко всему. Мне кажется, что за иронией всегда скрывается, во-первых, попытка скрыть свои подлинные чувства. Ты скажи просто: любишь или не любишь. А вот это: ха-ха-ха, да я, конечно бы, полюбил, но совсем немного... Этого я не понимаю. А второе — это желание выглядеть умным. Человек ироничный, он, естественно, всегда выглядит как бы умным. Если мы возьмем любимых телеведущих, то это те люди, которые всегда проявляли либо ум, либо подлинные чувства. А ироничные люди — это всегда вторичный материал. Это полупублицисты, полужурналисты, и никогда им не стать ни Райкиным, ни Владом Листьевым, ни Николаем Дроздовым.

— Зачем было так подставляться с названием "Молодая гвардия"? Это, конечно, лучше, чем "Идущие вместе", но тоже, знаешь...

— Мне кажется, предельно понятное название. Дальше начинается обращение историческими проекциями: краснодонцы мы или нет? Мы преклоняемся перед подвигом краснодонцев. Но гвардия, как сказала одна из наших девушек, это еще и гардемарини. У этого поколения гвардия — это фильм "Гардемарини, вперед!", там тоже гвардия. Сейчас такое время, какой камень ни кинь, пойдут круги неизвестно какие. Я считаю, что мы нащупали самое честное, без каких-либо трактовок название.

— Тебе нравится быть властью, тебя это заводит?

— Я бы не сказал, что в данный момент себя вижу какой-то властью. Я точно понимаю, что мы принадлежим и входим в часть властного ресурса. "Молодая гвардия "Единой России" сейчас никакой властью не является. Властвовать над молодежью? Это смешно.

— Политика — это последнее прибежище негодяев?

— Почему это? Между прочим, еще Аристотель называл политику самым главным человеческим применением. Только два вида людей, как говорил этот великий грек, могут не участвовать в политике. Либо когда человек уже практически зверь, либо когда он практически бог. Все остальные — это прежде всего политические люди.

— Какой ты умный стал!

— А был дураком, что ли? Такое ощущение, что, когда мы с тобой общались, я был дураком дураком. Элин, 20 лет прошло с нашей встречи. Ты вообще что, отказываешь людям в развитии? То есть чего это ты не такой же лох, как приехал тогда? Помычи чуть-чуть. Скажи, что бабло надо срубить. Неужели у тебя мысли какие-то есть? Поразились! Ты молодец, Элин. Что я могу тебе сказать?..

— На какую икону ты молишься?

— Ничего себе вопрос, тебе действительно интересно это знать?

— Угу.

— У меня, как и у любого православного человека, есть несколько икон, к которым я обращаюсь и в целом, и в разных жизненных ситуациях. Мой непосредственный святой в православии — Иоанн Богослов. Ну а так — это и Саровский, и Никола Чудотворец, ну и, конечно, спасительница Богоматерь.

— Твоя крестная мать — артистка МХАТа?

— Да, Мария Брускикина. Преподаватель, режиссер МХАТа. Когда у меня возникла мысль о переходе от виртуального образа в очках к образу живого человека на экране, я постарался найти специалистов. Мария — педагог по речи. Вы знаете, как интересно заниматься речью! Это и тренировка самого себя, и обращение к литературе. Я столько стихов, наверное, не читал со школы. Я бы всем это порекомендовал, потому что по любому становись интереснее и выразительнее как человек. Где-то, наверное, полгода я занимался, а дальше это все переросло в дружбу.

— Ты живешь на Чистых прудах?

— В переулке за театром "Современник".

— Давно мечтал купить квартиру в старом районе?

— В общем, наверное, да — такая мечта лимиты. До этого у меня никогда не было своей собственной квартиры.

— Двухкомнатная, большая?

— Трехкомнатная. Можно было бы и побольше. Я вообще очень люблю простор.

— Потолки высокие?

— Потолки высокие. Я и сам не низкий человек. Рост — 187 см.

— Люстра хрустальная висит?

— Будешь смеяться, но люстра так и не висит. Дело в том, что я пообещал своему любимому дружище Альбину Назимовой, которая делала мне как друг этот ремонт...

— Бесплатно, что ли?

— Она тогда становилась дизайнером, и моя квартира была в чем-то пробой пера. После этого Альбина достаточно быстро стала популярным дизайнером. Так вот, она взяла с меня обещание, что я сам туда не буду ничего покупать. Поэтому люстры у меня нет до сих пор, а какую купить, я не знаю.

— От чего ты кайфуешь по жизни?

— О-хо-хо. От любви и хорошо сделанной работы.

— От любви между народами?

— От этого не кайфуют.

— Случайных связей ты, конечно, не поддерживаешь? Вера не позволяет?

— А я не понимаю термин "случайные связи". Я вообще такой человек, что с удовольствием доверяю всем. Очень много душевных сил я бы сохранил, если бы не доверял никому. Сидел бы в некой засаде и ждал бы удара. В этом есть что-то романтично-прагматичное. А так мне часто приходится оказываться в ситуации, как в том анекдоте: "Пошел ты на фиг, Пол Маккартни".

— Не слишком ли ты, Иван, старорежимный человек?

— Знаешь, во фразе "ничто на земле не проходит бесследно" я вижу скорее плюсы, чем минусы. Я считаю, что все уникальное, что есть в человеке, накапливается историей. Мы не состоим из дистиллированной воды, чистойшей крови, выверенных мускулов и отточенных нервностей мозга. Мы состоим в том числе и из грязи и праха, куда потом и идем. И я думаю, что ничего случайного в этой жизни нет, нужно сохранить весь исторический багаж и передать его дальше. И хорошее, и плохое.